

Несколько дней спустя Феато держался особняком. Он оставался тихим, более преданным изучению языков, на которых говорят создания Мордора, чем Икшу видел его за долгое время. Рептильный ястреб по имени Врас Феато с удовольствием звал с неба. И он изливал книги по истории с тихо чирикающим существом, сидящим у него на плече, или свернувшись калачиком на столе рядом с ним, скучая до коматозного оцепенения, когда его хозяин пытался перевести страницы книги, используя язык, на котором говорила птица. .

Это Икшу смог почерпнуть из наблюдений. Как всегда, слуга занялся своими привычными обязанностями, внимательнее, чем обычно, следил за своим господином, беспокоясь о его новоявленном настроении и его причине.

Он был не единственным.

В своих покоях, на самом верхнем уровне самой высокой башни Барад-дура, владыка Черной Земли хорошо знал об изменении поведения своего сына. Он оставлял мальчика в покое, посылая к нему слуг с разными посылками на просмотр, а не вызывая его ни для чего.

Лучше многих Темный Лорд понимал необходимость побыть наедине со своими проблемами. У них было это общее, и хотя он не напрягал свою волю, чтобы наблюдать за действиями Феато, прекрасно зная, что мальчик это почувствует, он позаботился о том, чтобы мальчик был близко отмечен.

Отчеты приходили часто и через равные промежутки времени, так что даже без Ока он всегда знал, чем занимается его сын.

Он не видел причин слишком волноваться из-за того, что услышал.

В течение нескольких дней Феато оставался запертым в своей комнате, не желая покидать ее, просто пытаясь обдумать то, что сказал его отец. Это не может быть правдой. Это просто не могло быть правдой, но он читал о Берене и Лютиэн, читал историю о Тинголе и Мелиан. В том, что сказал его отец, не было ничего, кроме правды, и все же это было так ужасно.

На каком-то уровне он уже знал — по крайней мере, должен был знать, учитывая, что его отец изо всех сил старался убедиться, что у Феато есть ясное понимание истории. От этого не стало легче иметь дело.

За последние несколько дней в Барад-дуре стало холоднее. Ужасный холодный фронт пронесся по крепостным валам башни, пробираясь по залам, высасывая тепло из любого места, не прогретого пылающим огнем.

Коридор внутри темных стен Барад-дура был забит рабами, пытающимися согреться. В результате наружные дамбы были более пустыми. Это был он, случайный сторож, и ветер зловонно завывал, проскальзывая сквозь шипы и шпили.

Его волосы хлестнули по лицу, когда он поднял руку, чтобы раздраженно перекинуть их через плечо. В небе не было птиц, а серые тучи пепла, клубившиеся над головой, были более мрачными, чем обычно. Как будто их усугубила перемена погоды, как и он. Несколько нижних, свернутых в башню наверху. Разделенные неподатливым камнем, они на мгновение закрыли башни и крепостные валы наверху, создав низкий потолок над его головой.

Окно Ока было полностью потеряно из виду. Так было почти всегда, но большая часть главной башни также была скрыта завесой, постепенно все больше и больше теряясь в эфирной дымке.

Но Великое Око не могло быть ослеплено облаками, и он иногда мог ощущать его краем чувств, когда оно бесшумно скользило по земле. Оно не смотрело на него прямо, но он был уверен, что появился на краю отцовских видений.

Как яркое солнышко, саркастически упрекнул голос в его голове.

Феато прислонился к тяжелой каменной балюстраде, рассеянно ковыряя ледяной кристалл, образовавшийся на камне. Это была уродливая маленькая штучка, покрытая пылью, почерневшая от трудолюбия отца. Он растаял в его пальцах и испачкал бледную кожу пеплом.

Иней покрыл его окна бледно-серой дымкой, которую он проснулся. Ледяные кристаллы обычно образуются зимой, но постоянно присутствуют круглый год на больших высотах крайней башни. Но лед ни разу не причинил камню серьезных повреждений. Барад-дур постоянно находился в состоянии ремонта и ветхости. Вода просачивалась в тонкие микротрещины в камне, которые расширились, когда влага замерзала и расширялась. Но потом они таинственным образом исчезли. Это долгое время не давало ему покоя, пока он не спросил отца, куда идут трещины.

Они исцелились. Темная Башня могла быть построена, но для ее возведения потребовалось очень мало промышленных машин. Большая часть камня была сформирована разумом его отца и выращена.

Так будет всегда, пока воля его отца пронизывает скалу. Далеко внизу, затерянная в лохмотьях рваных облаков, энергия пульсировала в основании башни, струясь вверх, как кровь по венам. Барад-дур напоминал скорее живой организм, чем архитектурное сооружение.

Феато чихнул, когда холодный ветер завыл против стен башен, его пронзительный голос наполнил его уши, когда он был разорван на части колючей короной крепостных валов.

Закутываясь в свою тяжелую мантию от холода, он сердито смотрел на небо. Раздраженно скинув с перил очередной безобразный кристаллик, он удалился, продолжая свой путь.

Он собирался в библиотеку, чтобы вытащить с массивных полок все сведения о Берене и Лютиэн, Тинголе и Мелиан. По правде говоря, он не был уверен, что надеялся найти, только то, что ему нужно было искать это иллюзорное решение своей проблемы.

Дело было не в том, что он желал нескольких любовниц. Действительно, мысль об одной настоящей любви, и только одной, была романтической и захватывающей, но он хотел знать, почему он будет так сильно страдать из-за этого. Было ли это действительно потому, что он был потомком Айнур? Неужели в нем действительно не было стойкости Второго, чтобы смягчить боль? Все понесли утрату, но неужели она будет так велика для него, полуэдайна, а не полуэльфия?

Он недовольно теребил свои волосы на ходу. Пробираясь к более защищенным коридорам.

К сожалению, ему придется пробраться в закрытый коридор, плюс в том, что залы ближе к библиотеке будут менее переполнены — по крайней мере, он на это надеялся. Если дела пойдут еще хуже, он сможет вернуться и пробраться в библиотеку с другой стороны.

Никакие слуги не приносили ему письма или посылки для просмотра, и он был свободен, по крайней мере, на данный момент, чтобы делать то, что он хотел.

Он толкнул несколько дверей, вздохнув, когда теплый воздух устремился наружу, чтобы приветствовать его.

Мигали факелы, и полированный мрамор, казалось, рябил, как вода, когда танцевали эти смутно отраженные языки пламени.

Сноска для V1:

Поэтому, когда я впервые набросал эту историю два года назад, я решил, что первые три главы будут кусочками жизни. Каждый из них показывает Феато в разный период подросткового возраста до четвертой главы, где ему девятнадцать, и он все еще подросток. (К четвертой главе ему все еще будет девятнадцать. Но я понятия не имею, сколько ему на самом деле лет в первой-третьей главах. Хорошо, я приблизительно оцениваю, сколько ему лет. Я на самом деле коснусь тех, что в этой главе, так что ура?! Я думаю, если вы хотели точное время для этой истории.)

Когда я писал главу 2, я подумал, что было бы неплохо отказаться от своей идеи покончить с жизнью и написать третью главу как прямое продолжение, а не как двусмысленное количество лет в будущем, и поэтому я представляю вам это. Из всех это легко мой фаворит. Потому что я люблю вдыхать жизнь в Барад-Дур. (Это стало неприятным удовольствием, и в такой истории это важно ради сюжета, который я делаю.) Но, помимо прочего, из соображений непрерывности, это не будет началом третьей главы.

Версия 2:

Я знаю, вы надеетесь, что здесь есть что порадовать, но увы, эта версия событий была удалена, как и когда я не знаю, но мне так и не удалось ее восстановить, но я все же счел ее стоящей упоминания, потому что это была еще одна из тех глав, которые запечатлели скрытую красоту

Барад-Дура, но также дали представление о том, когда начинается эта история.

Эта глава начинается в Зале Волков, месте, которое почти священо как для Саурана, так и для Феато по сходным, но разным причинам.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что дни Саурана в Тол-ин-Гаурхоте были одними из лучших во время его службы Морготу. Для Саурана его волки были не просто слугами или домашними животными, а настоящими и верными товарищами. Они были его друзьями, а в случае Драуглуина почти семьей, и это убило его изнутри, когда Лютиэн убил их всех, сделав потерю башни еще более постыдной и еще более разрушительной. Мало того, что погиб его самый важный пленник, не только он потерпел ужасное поражение, но и сразу в одном сражении он потерял всех людей, о которых он заботился и, в свою очередь, заботился о нем.

Он так и не оправился, так и не простил себя и никогда не двигался дальше. Зал Волков был построен как памятник всем тем, кого он потерял, но и как напоминание о его неудачах, его неспособностях, свидетельство вины, которая всегда преследовала его, которую он так и не смог искупить. Пожалуй, единственное, за что он действительно хочет искупить свою вину.

Для Феато это место легенд и вдохновения. Но также родство, и это то, что вызывает у него восхищение волками, и он хочет быть одним из стаи, чтобы соответствовать этим легендам. Но он также признает, что эти существа любили его отца, и это место доказывает, что его отец не всегда был потерянным или одиноким. И хотя он не может заменить ни одно из этих воспоминаний, он желает быть близким компаньоном и доверенным лицом своего господина и отца, чтобы немного облегчить эту боль и одиночество.

Пока они там, Саурон дает своему сыну урок управления огнем, показывая ему, как зажигать маленькие свечи, которые заполняют зал, как звезды. В разгар этого события появляется Кадриан (призрак кольца) с важными новостями о странном существе, которое было поймано крадущимся в перевале над Кирит Унгол, повелителем которого является Кадриан.

Феато, к его большому разочарованию, потому что он никогда не появляется рядом, когда происходят важные дела, выгоняется из зала в сопровождении Хеспар (еще один призрак — почему он в Барад-Дуре, я понятия не имею), в то время как Кадриан и Саурон обсуждают это жалкое существо, которое называет себя «Голлум» и, кажется, наткнулось на кольцо силы или что-то еще столь же развращающее и ужасное.

Это поместило бы эту часть истории примерно за восемь лет до охоты за кольцом и бегства Фродо из графства. Делаем Феато одиннадцать.

По сути, эта версия могла бы установить его возраст и точное время начала этой истории, но, как я уже сказал, она была удалена, и я бы хотел, чтобы это было не так, но я не мог ее восстановить, и когда я попытался переписать ее, она была далеко не так хороша, как первая версия. Тем не менее я чувствовал, что эта версия событий заслуживает упоминания.

Версия 3:

«Разве ты не умеешь преклонять колени перед теми, кто выше тебя?» — прорычал лорд Кемик.

Испуганный Дирар сделал именно это. "Простить"

"Вы не будете делать ничего подобного!" — рявкнул Феато. «Отложите свою работу и идите в лазарет». В конце его голос превратился в мягкий шелк.

Смахнув кровь с глаза, Дирар поклонился. "Мой господин." В его голосе было облегчение и спокойствие, даже когда из раны над глазом капала кровь.

"Как ты смеешь?" Он проскользнул между глупым господином и его отступающим рабом, разъяренный, оскорбленный и озабоченный. "Как ты смеешь?" Ярость царапала его зубы, и он надеялся, что глупец это услышал. «Он не твой, чтобы наказывать. И не твой, чтобы командовать».

Беспокоясь за своего слугу и разозлившись на такое оскорбление, Феато был в растерянности. Одно дело думать, что его оскорбляют молча, когда он этого не слышит. Одно дело — услышать шепотом уничижительное сравнение между собой и эльдар. Но это вопиющее пренебрежение властью было совсем другим. И это было потрясюще.

— Возможно, лорд Феато, — любезно начал лорд Кемик, грациозно сложив руки перед собой, переходя на родной язык Дорвиниона. Феато внутренне усмехнулся, совершенно не впечатленный такой жалкой попыткой контролировать разговор. — Если бы ты был более стойким в своем лидерстве, твой слуга знал бы...

«Вечно...» Голос Феато был черным шепотом, и он легко мог бы дотянуться до могущества, бурлившего в его страхе, пока кровь текла по его венам. "-коснись еще раз к моему слуге-"

"Пожалуйста, скажи, что ты собираешься делать?" Яростная ухмылка скривила его губы, и Феато внутренне вздрогнул, ненавидя пустоту угрозы, которую он даже не закончил. Убьет ли он человека? Мог ли он? Он вообще посмел такое сказать? Он, честно говоря, не знал, но в глубине души подозревал ужасный ответ, ужасную мягкость, которая терзала его, проклинала и отделяла от всех сил Мордора. нет . Тихий голос в его голове шепчет. Нет, он никогда не мог и не хотел бы, и тем не менее власть определялась смертью. И он никого не убил. Он никогда ни на кого не поднимал руку.

Этот лорд знал это. Все это знали, и как только этот человек останется невредимым, они еще больше убедятся, что принц Мордора недостоин такого положения.

Что-то от его ужаса, должно быть, оставило свой след на его лице, когда он стоял, вызванный безмолвием, бессильной яростью и явным сознанием того, что он - он был жалок.

"Конечно, лорд, вы знаете, как и все лорды, что неразумно делать пустые угрозы?" Вопрос

обжигал, как яд, но он не хотел отводить взгляд. Он засунул пальцы в рукав, отказываясь поднять их к волосам, хотя желание сделать это переполняло его.

«Итак, правда раскрыта, в конце концов, ты — маленький цветок. Собственный медный цветок Лугбурца, задыхающийся среди камней. И тут я подумал, они сказали, что цветы у тебя в крови в шутку». Кемич пожал плечами. «Возможно, это то, что происходит, когда чья-то мать Тарк...»

Пальцы Феато нашли конец его косы, когда он зарычал. — Моя мать, — выдавил он. "Был-"

«Была самой слабой из нуменорцев, но все же сильнее тебя. У нее были свои оправдания тому, что она такова, но ради сына лорда Майрона», — рассмеялся лорд. "Нет ни одного."

Он был слаб. Он был. Действительно. И пальцы Феато крепче сжались в его рукаве и волосах. Он не был его отцом и не обладал его мастерством слова.

«Горькая ирония в том, что из такого грозного союза конечным результатом стал изящный цветок».

"Достаточно!" Феато слепо воззвал к разъяренному могуществу. Он хрустел под его пальцами, но страх удерживал его от использования. Боялся, что он с ним сделает, но он не знал, что делать. Он должен пойти к отцу. Но гордость стерла такое представление. Каким-то образом он должен был со всем этим разобраться сам, но он просто... то, что нужно было сделать, он не мог... не хотел делать.

— Я... — Его голос дрожал, но он слишком поздно проглотил его.

— Я все еще жду, когда ты объяснишь, что ты собираешься делать. Кемич слабо рассмеялся. — Может быть, сбежать к отцу? Встать перед ним на колени и раскрыть во всей полноте свой позор и слабость? Мужчина сделал наглый шаг к нему. Затем еще один, и эта бурная мощь опасно закружилась в его руках, пока он со страхом наблюдал, как лорд посягает на него.

«Это то, что ты сделаешь, Феато? Беги к лорду Майрону Великому, жалкий в своей трусости, докажи всем раз и навсегда, что ты всего лишь хорошенький цветочек? Или сорняк, который нужно вырвать со стебля?» Его пальцы коснулись щеки Феато грязно и отталкивающе. — Удивительно, как он вас так долго держит. Ни к кому другому он не проявил бы такого милосердия. Может быть, и в цветочках все-таки есть польза? Хоть бы посмотреть?

Вспышкой блестящего могущества он отбросил человека назад.

« Не прикасайся ко мне».

Слова эхом разнеслись по залу, как самый черный из колоколов, и он увидел, как мужчина поднес руку к губам, ошеломленный и испуганный, что его швырнуло на пол, а мальчик и

пальцем не пошевелил. .

«Прикоснись ко мне или к одному из моих еще раз...» Угроза утихла. Он все еще не мог этого сделать. Все еще не мог придумать ничего подходящего, и эта уродливая, отвратительная правда только помогала словам лорда распространять свой яд глубже.

«Я предлагаю вам уйти, лорд Кемит». Когда мужчина не сделал движения, чтобы отойти, та опасная сила фей, все еще кружившаяся вокруг него в окровавленной меди, затрещала. — Сейчас, — прошептал он ледяным голосом, а страх, гнев и могущество бушевали внутри него, словно огонь.

Человек побежал, и как только он ушел, Феато прислонился к стене, больной и испорченный. Он почесал лицо, пытаясь стереть воспоминание об этом мимолетном прикосновении, но, когда не смог, подавился прерывистым всхлипом.

Почему? Почему? Почему я не могу?

Уродливые горячие слезы наполнили его глаза, и он торопливо вытер глаза. Не дай Мелькор и Валар, после этого кто-нибудь наткнется на него в таком жалком состоянии... Он не смог бы справиться с этим, и он знал, что не сможет, независимо от того, какую безнадежную ложь и фасад желал поддерживать его отец.

Пошатываясь, он оттолкнулся от стены, в глубине души очень заботясь о своей внешности, потому что, возможно, он был слишком слаб, чтобы быть настоящим лордом, но его отец все еще был бы в ярости, если бы он не выглядел соответствующе. Потребовалось усилие, ему не нужно было возиться со своей одеждой, и пригладить конец косы, которую он завязал узлом. Все это время ужасная уродливая правда и ужасное притворство роли, которую он был вынужден играть, задышали и сворачивались, как лед, в груди, до тех пор, пока ему не стало дышать.

Потирая бледной рукой грудь, чтобы ослабить стеснение, он шел поверженный и жалкий по коридору к одной из многочисленных подъемных комнат. Он, по крайней мере, сделает то, что сделал бы любой полупорядочный лорд, если его отец так зациклился на том, чтобы продолжать притворяться, — и навестил бы Дирара и убедился, что с ним все в порядке.

Цветок. Он был маленьким цветком, пытающимся зарабатывать на жизнь среди железа и камней. Но все, чем Феато когда-либо хотел быть, было волком.

Сноска для V2:

Я только скажу, что это конкретное начало было написано и переписано. И когда я думаю, что придумал что-то, что работает лучше и дает мне все, что мне нужно, чтобы делать все, что я желаю Мордору, эта глупая штука не оставит меня в покое. Он просто возвращается, требуя, чтобы его переписывали снова и снова, так что вот последняя версия; пока лучшее из

написанного, и самое заманчивое для продолжения.

Версия 4:

Пир в Мордоре был редкостью, но, несмотря на редкость, он был пышным и захватывающим. Большой зал был открыт, его могучие двери широко распахнулись, чтобы принять гостей в свое теплое огненное лоно.

В их очагах ревели огромные пламя, мерцающее пламя отражалось на полированном мраморном полу. Жаровни распространяли восхитительное тепло на тех, кто слонялся рядом с ними, большинство из которых были отставшими, продрогшими от походов по улицам и внешним дамбам от других башен Барад-Дура.

Дамы и лорды носили свои лучшие меха, а воздух был наполнен смехом, сплетнями и интригами. Вечно декадентские придворные стремились к власти за счет друг друга, и даже ради пира они не откладывали плетения своих сетей. Действительно, некоторые рассчитывали на случай, чтобы предоставить необычную возможность помешать своим соперникам.

Для неопытного глаза вино лилось рекой, и для ничего не подозревающего уха многие приветствия были не более чем искренним приветствием. Но это была скрытая интрига, на которую Темный Лорд обращал пристальное внимание, больше, чем обычно, когда он наблюдал, как его сын ориентируется в опасных разговорах и на цыпочках ходит вокруг змей с широко раскрытой клыкастой пастью.

Словесные рыцарские поединки во всей красе, и он не был в состоянии в них участвовать. Ему доставляло удовольствие соревноваться на этой арене, но кто в Барад-Дуре посмеет бросить ему вызов? Никто. Он стоял над ними; грозный и медлительный лорд, с которым нельзя шутить. Ему было приятно знать, что никто не был таким смелым, но это показывало, насколько они обособлены друг от друга. Это был не просто его стол, стоящий на возвышении, откуда он мог наблюдать за всем, но игра манипуляций и словесная игра были для него потеряны. И он упустил это, со всеми его тонкостями, медленно, по частям, выкапывая ценную информацию из охраняемых умов, как если бы это была необработанная руда, которую нужно добывать, тихо и коварно ведя тех, кто думал бросить ему вызов, к их собственному поражению.

Вместо этого он был понижен - из-за статуса и страха, который он внушал - смотреть. Те немногие, кто был достаточно смел, чтобы приблизиться к нему и вовлечь его в хоть какую-то беседу, были подхалимскими и в конечном счете скучными.

Он постукивал пальцами по столешнице, наблюдая за сыном. Мальчик был в здравом уме и остром уме, но молод, наивен и честен. Если и было что-то, чего Темный Лорд хотел бы от ребенка, так это именно это, но иногда он задавался вопросом, не слишком ли искренен мальчик. По общему признанию, не нужно было обладать исключительным умением лгать, чтобы подчинить разговор или человека своей воле, но, как и все остальное, это был инструмент, которым лучше обладать и никогда не полагаться на него, чем отчаянно

нуждаться и остро не иметь умения лгать. использовать.

Конечно, если бы владыка Мордора добился своего, то у его сына никогда не было бы причин смириться с обманом. Но этого не было ни здесь, ни там. До сих пор перья мальчика были почти не взъерошены, но пока Темный Лорд наблюдал, одна из самых ядовитых гадюк в комнате ударила его.

Он внимательно прислушивался и наблюдал, чувствуя, что мальчик не ускользнет от паутины, если ему вообще удастся убежать.

Представьте себе, совершенный господин, Феато прилагал все усилия, чтобы быть. Он занимался со всеми за своим столом, обращая на них пристальное внимание, особенно на царя Низара, которого старался не донимать вопросами о родине и путешествиях. Но, со своей стороны, король, казалось, был взволнован тем, что молодой лорд Мордора так живо интересовался событиями Дальнего Харада.

При всем том взгляд Феато периодически падал на принцессу. Она сидела в богатом изумруде и сияющем серебре. Огонь Ородруин в разгар извержения постыдно карабкался бы вверх по склонам горы, потому что он не мог сравниться с блеском ее глаз. Она была прекрасна на вид, ее голос был мягок и глубок, как черный бархат, но он почти не сказал ей ни слова напрямую.

Несмотря на мысли отца по этому поводу и его собственную слабо шепчущуюся интуицию, Феато необъяснимым образом тянулся к ней. Он не знал, откуда, когда и как, только то, что он был, как пламя мотылька, и против такого соблазна у него было мало шансов. Но вместо того, чтобы испытывать какое-либо чувство сомнения или трепета при такой мысли, он чувствовал только волнение.

Тем не менее, Феато был осторожен, осторожно взвешивая возможные темы для разговора, не зная, какую тему затронуть, и что он мог бы или мог сказать, если бы представилась такая возможность. Поэтому он оставался тихим, периодически украдкой мельком поглядывая на нее, надеясь найти тропу, которая приведет к ее вниманию, не желая двигаться слишком быстро, если такая вещь вызовет обиду короля или гнев его отца.

Конечно, что бы он ни сказал, это должно быть очень тонко, поскольку присутствовали и его отец, и ее отец, и он не осмелился ни оскорбить короля, ни рассердить своего отца.

"Красивая не правда ли?" Рот наклонился к нему с заговорщицким шепотом, эффективно прервав ход мыслей Феато. Нахмуренный Феато посмотрел на него, презрительно ухмыльнувшись на его губах.

Он быстро собрался, пряча раздражение за задумчивой улыбочкой. «Все люди такие. Каждый по-своему». Его слова были пустыми, и оба это знали, но он надеялся, что в них есть какой-то уровень дипломатии, если не что иное.

Уста Саурана хихикнул себе под нос и отхлебнул глоток вина.

«Красивая, богатая принцесса из Дальнего Харада; мне немного любопытно, что король Низар счел нужным привести ее сюда, а не одного из своих сыновей».

Раздраженно Феато внутренне варился, его внутреннее разочарование выплескивалось наружу, чтобы сжаться в изгибе его губ. Он ненавидел, когда его ведут, и достаточно хорошо мог видеть, что именно пытался сделать Рот, даже если он не знал ни почему, ни чем этот человек надеялся закончить разговор.

Это была тактика, которую его отец использовал все время, с гораздо большей изощренностью и изобретательностью, и по какой-то причине Феато почувствовал себя оскорбленным самой мыслью, что этот человек попытается применить ее.

— И... она брачного возраста.

Белое горячее ревниво вскипело расплавленным и ужасным в груди Феато, когда Рот подарил ему насмешливо-бесхитростную улыбку. Слишком громко намеки мужчины прозвучали отчетливо, и пальцы Феато сжались в кулаке вокруг ложки.

Рот, казалось, молча упивался разочарованной тишиной, которую он вызвал, и намеренно налил из себя еще один глоток.

«Для нее было бы большой честью, если бы сын лорда Майрона счел ее достойной второго взгляда. Тогда мужчине было бы очень повезло жениться на ней».

Феато сидел совершенно неподвижно, в водовороте яростной зависти, но что он мог сказать или сделать? Даже если Рот был просто задницей, он затронул то, о чем Феато не хотел думать. Принцесса была здесь с единственной целью — привлечь внимание одного из великих лордов Мордора, и Феато это знал. Рот мог бы жениться на ней, если бы захотел, и с точки зрения короля Низара такой брак означал бы повышение статуса: это был простой политический факт. Все это усугублялось тем, что он знал мнение своего отца о флирте между ним и Саудой. Но Феато сомневался, что Уста услышит такую жалобу.

Кипя посреди яростного водоворота, он медленно и осторожно потянулся к своему напитку, поскольку каждый ответ, который он мог дать, пронесся в его голове. Каждый из них может усугубить ситуацию.

'Дипломатия!'

'Дипломатия...!' Какая-то отдаленная рациональная часть его разума настойчиво зашипела.

Достигнув удушающего запаса самоконтроля, он прижал улыбку к губам, надеясь, что никто за

их столиком еще не заметил, что что-то не так.

— Да, — болезненно мило ухмыльнулась Феато. «Такого человека можно считать действительно удачливым». Слова были болезненно сладкими с его губ и блестели ядом.

Дрожащими пальцами Феато искал свой кубок с вином и боролся с желанием взглянуть в сторону Сауды, пока пил. Слишком много топлива он уже дал огню Рта, и он отказался предложить больше.

Как мужчина вообще узнал? Разве его желанные взгляды не были достаточно осторожными? Все ли за столом знали? Его шея и щеки были горячими, и он молился, чтобы они приняли это за вино. Внутри он был в ярости, жалея, что не мог сказать то, что хотел, что соблюдение приличий не было так важно.

Раздражившись, он изо всех сил пытался понять, где запнулся. Всем он уделял одинаковое внимание, по крайней мере, так он думал. Возможно, он был слишком осторожен, слишком подозрительно обращался к принцессе напрямую, не задействовав при этом ее отца? Может быть, это и погубило его, если только он не проделал ужасную работу, отводя от нее глаза?

Он не знал и не смел спрашивать, поэтому Феато сидел, варясь в своем замешательстве и позоре, стараясь не обращать особого внимания на Уста, который лукаво наблюдал за ним, пока он возобновлял трапезу.

Решив, что с него достаточно того, что его игнорируют, голос Уста заговорил, и, к ужасу Феато, обратился на беглом харадрим к принцессе Савде.

В крайнем смятении и гневе он поджал губы. Уста говорили, но Феато не слышал слов, его разум и уши поразила приятная мелодия ее легкого смеха. В тишине он наблюдал, как мужчина делал то, что Феато мечтал сделать сам. Она тепло ответила Устам, ее ониксовые глаза сверкнули почти коварно, и Феато представил, что если бы Ородруин извергался, то горные огни поднялись бы по склонам горы и постыдно спрятались бы в трещинах рока, потому что они не могли соответствовать сиянию ее глаз.

Рот кивнул. "Я понимаю." Он улыбнулся ей, и грудь Феато сжалась, когда Рот повернулся к нему, снова вернувшись к Черному Наречию. «У принцессы тринадцать братьев, одиннадцать старших и двое младших, но благодаря годам упорного обучения и тренировок она стала наследницей короля Низара». Улыбка коснулась губ Человека, что совсем не понравилось Феато. «Это должно быть приятное место для сидения; так высоко все должны доказать, что вы равны. Вам никогда не придется узнать о борьбе нас, простых смертных».

Быть подорванным, оскорбленным, и его собственная неуверенность вскрылась, а затем проигнорирована, он был вне ярости, и он больше не мог сидеть и терпеть это. Очень далеко. Рот зашел слишком далеко!

Улыбка — чуть больше, чем тонкая оболочка, потрескивающая над поднявшейся яростью, — скривила его губы, и с воздушной любезностью он повернулся к человеку, готовый нанести словесный и физический удар.

Суровый холодный воздух пронесся над ними, как сквозняк, и тут же Феато устремил взгляд на свою еду, опасаясь гнева отца. Казалось, наступила тишина. Шум пиршества вдруг показался ему приглушенным, словно он слышал его сквозь вату. За столом, казалось, стало горько тихо, глаза людей были опущены, закрыты или смотрели мимо его правого бока.

За его паникой расцвело узнавание, и он расслабился. Это был не гнев Лорда Мордора, а тихое приветствие одного из высших Лордов Мордора.

Рот был таким же жестким, как и другие, его губы скривились в горькой усмешке гнева, но Феато тоже видел страх: тот же врожденный страх, который заставил других замолчать, и, как бы он ни был разъярен, он не находил удовольствия в страхе этого человека. .

Он потянулся внутрь и дернул тонкую ветвь могущества фей. Там, где холод и страх искали точку опоры, Феато впускал тонкое тепло, дразня им воздух так, что он разворачивался в сдержанной тишине смены времен года, так что никто вокруг него не знал его колдовства, но он видел его: неуверенное ослабление напряжения, когда плечи выпрямились, а пальцы обрели силу.

Слабо улыбаясь, он повернулся к этому неожиданному, но очень желанному гостю.

Тем не менее, даже когда он это сделал, мягкий голос сказал: «Я не посещаю вечеринок».

— Лорд Фуинур, — поднялся Феато, трель искреннего удовольствия испарила его испорченное настроение. Он по-товарищески схватил призрака за руку, отказавшись от формальных приветствий. "Это было слишком долго."

"Продолжительность лета слишком долго?"

Веселье мелькнуло в бездонных черных глазах, когда он, в свою очередь, сжал руку Феато.

Как только они отпустили его, Фуинур незаметно отпрянул назад, чувствуя себя неуютно в такой близости к огню, ибо Феато определенно был им. Но против такого сияния гордо стоял призрак в своем сером одеянии, когда-то могущественный лорд среди черных нуменорцев и король Харада.

Но все окружающие видели бы только черный плащ с надвинутым капюшоном, в котором не было видно лица.

Царь Низар и другие его гости, которых он развлекал, больше не сидели в молчаливом ужасе.

Хуже того, теперь они говорили украдкой и тихим голосом, бросая подозрительные взгляды на Фуинура или прямо глядя на него, возможно, пытаясь мельком увидеть лицо, которое наверняка должно было быть скрыто внутри?

— Лорд Фуинур, — он улыбнулся, решив, что давно пора, чтобы мужчины перестали пялиться на его... он не был уверен, что и думать о Фуинуре. Назвать его другом было натяжкой, но они были больше, чем просто знакомые. Он был призраком, которого Феато знал лучше всего, но не любил. Их отношения были... сложными.

«Здесь сидит король Низар, самый высокий из королей Дальнего Харада. Он гордый воин, укротитель могучего Мумукила и ученый. И именно для него устраивается этот великий пир». Рядом с ним поклонился Фуинур, прижимая сжатый кулак к губам, всегда корректный и хорошо разбирающийся в тонкостях многих культур. Феато спокойно наблюдал за ним и обратил внимание на приподнятую бровь короля. Очевидно, он не ожидал такого от какого-то владыки Мордора, о котором до этого момента не слышал.

«Это Лорд Фуинур, один из главных советников Темного Лорда. Он некоторое время отсутствовал в Башне по семейным делам, и это поистине благословение, что вы вернулись в такой благоприятный вечер». Он повернулся к призраку с улыбкой.

Феато не лгал. Большую часть последних двух лет Фуинур провел в Минас Моргуле, и Назгул действительно называли друг друга братьями. Хотя у Фуинура тоже были настоящие родственники, его двоюродный брат тоже был одним из Девяти, так что то, что он сказал королю, не было полностью нечестным. Он никогда не стал бы лгать прямо, но истинную природу Фуинура лучше держать в секрете по целому ряду причин, и у него уже было готово объяснение странности лорда Фуинура, рожденное не чем иным, как искаженной правдой.

«Это его дочь и наследница, принцесса Савда».

За столом он представил лорда Фуинура этим могучим воинам из чужих земель, и, наконец, это казалось некоторым подобием приличия, и, что более важно, нормализовалась.

Воздух снова стал теплым, окутанный тусклым осенним блеском, и мир больше не казался оглушенным, и когда представления были закончены, он повернулся к Фуинуру, желая поговорить с ним. Или, вернее, приставать к нему на край земли, чтобы узнать подробности его подвигов, но многого он не мог здесь расспросить.

— Как твои путешествия? — спросил Феато. «Как твои братья и двоюродный брат? На что был похож Эребор? Ты видел Херумора?»

"Мой господин." Фуинур нахмурился. «На какой из них я должен ответить первым». он бы знал

"Все они." Озорная ухмылка скривила губы Феато. «По правде говоря, я хочу знать, как у тебя дела и как прошло твое путешествие. Затем я хочу услышать о Херуморе и о Геспаре, если ты

получил от него вести».

Что-то в лице Фуинура потемнело, а затем исчезло слишком быстро, чтобы Феато мог понять, было ли это реакцией на его заблудшего кузена или на Геспара. Могло быть и то, и другое. Херумор и Фуинур редко сходились во взглядах, судя по тому немногому, что Феато слышал за эти годы. Но причиной его угрюмого выражения лица мог быть Геспар. Братьями они могли называть себя, но если слухи были правдой, то питали они друг к другу примерно столько же братского сострадания, сколько бешеные медведи.

«Мое путешествие к обители моих братьев прошло без происшествий. На юге все так, как всегда: обычно неприятно.

Феато усмехнулся. — Ты играл в карты?

Лицо призрака потемнело, и Феато пришлось подавить смех в свой адрес. «У меня не было бы времени с семьей, если бы меня не заманил в игру местный наркоман Мордора». Призрак вздохнул. «Поездка в Эребор шла под дождем. Всю мою экскурсию вокруг Длинного озера шел дождь. Лил. вернулся, и все предыдущие дожди сделали его ужасно влажным. Мой эскорт был измотан, и я думаю, что никогда не видел людей, так взволнованных возвращением в Мордор».

Назгул взглянул на высокий стол, за которым сидел Лорд Мордора. «Я действительно слышал много такого, что заинтриговало бы ваши всегда любознательные уши, и я бы рассказал. Но не здесь. Это не для ваших хардаримских друзей, а для нашего лорда, которого я посетил. ... Рот, безусловно, кажется таким же любезным, как всегда». — добавил он, саркастически изогнув губы.

В то время как отношения между Девятью были предметом догадок в высших кругах Мордора, вражда между главным эмиссаром Темного Лорда и элитой Мордора была хорошо известна, хотя мало кто осмеливался поднимать ее.

"Я в порядке." Феато улыбнулась.

Рот призрака превратился в ровную линию. "Действительно. Я подозреваю, что они больше правы, чем это-?"

На мгновение Феато широко раскрыл глаза, у него перехватило дыхание. — проворчал он больше себе, чем призраку. «Неужели мне не от кого спрятаться?»

"Конечно." Фуинур ответ. «Но не от всех. Я слишком проницателен, Пасть слишком опытна, а Лорд Майрон...» голос призрака понизился до благоговейного шепота. "Он..."

Феато кивнул, полностью понимая, что пытался сказать лорд Фуинур, но не смог. Не было слов, чтобы описать владыку Черной земли. Он был настолько выше и выше всего.

Словно для дальнейшего доказательства, Око, находившееся на краю чувств Феато, полностью повернулось к ним, словно догадываясь о характере их разговора. На краю возвышения, на котором стоял стол его отца, пара поклонилась.

Укрытый во мраке и тени, Владыка Мордора улыбался, внутренне смеясь над своим сыном и посланником. Он украл глоток вина, глядя на них сверху вниз, и они вытерпели веселье и насмешки Ока, прежде чем оно мелькнуло, чтобы наблюдать что-то еще.

Они стояли. Улыбка Глаза все еще ощутима. И Феато выдохнул, не решаясь комментировать только что происшедшее. «Я должен вернуться».

— Мы скоро поговорим. Фуинур пообещал. Они снова взяли за руки, призрак скрыл свою гримасу, когда обман ребенка сгорел. Тогда мальчик отвернулся, вернувшись к своим гостям, а призрак осторожно подошел к столу.

Хорошо, что его хозяин был в хорошем настроении, и он боялся, какой ужас вызовут его слова. Так редко это было, и все же некоторые истины нужно было услышать, и он с большой осторожностью подходил к одному из двух свободных мест за столом. Он был зарезервирован для него, а другой, с бокалом вина перед ним, в какой-то момент принадлежал Феато.

Он снова поклонился, на этот раз не так низко, но так же благоговейно, и апатичным жестом хозяин пригласил его сесть.

На долгое мгновение между ними повисла тишина Темного Лорда, пока его хозяин размешивал дымящуюся чашку чая и сорвал с тарелки ломтик яблока.

В темноте, которой окружил себя владыка Мордора, Фуинур обрел некое подобие покоя. Его зрение стало яснее, его больше не ослеплял медный свет огня Феато, факелы и обычные языки пламени, ненавистно пляшущие по залу.

«Скажи мне, лорд Фуинур, что заставило тебя прибежать к моим воротам в такой спешке, что ты чуть не убил свою лошадь». Темный Лорд прорвался сквозь иллюзию безопасности, и призрак проглотил бы его, если бы мог. Вместо этого он переместился, крадет себя, насколько мог, прежде чем поднять подбородок и расправить плечи.

«Признаюсь, я боялся, что лорд Феато расспросит больше, чем он». Призрак остановился. «Я не хотел ничего отдавать, пока не поговорю с вами, господин».

Фуинур сделал паузу, воспользовавшись драгоценным моментом, чтобы собраться с мыслями. Он будет очень в них нуждаться.

«Я не знаю, с чего начать, поэтому, если можно, я хочу задать вопрос милорду». Невозможно было скрыть ужас, который испытал Фуинур, когда осмелился встретиться с огненным

взглядом своего Учителя.

Под капюшоном с серебряными заклепками Темный Лорд нахмурился, чувствуя серьезное беспокойство своего посланника. "Вы можете."

Благодарный за снисхождение, Фуинур был обязан своей головой. «Я хочу знать, что ты предпочитаешь: плохие новости, худшие новости или новости еще хуже».

Воздух вокруг Темного Лорда изменился, заострился, как отточенный клинок, готовый нанести удар, и Фуинур изо всех сил старался не вздрогнуть.

«Король Дейн снова отказался от условий». С шокирующим апломбом говорил Лорд Мордора, но Фуинур, проницательный, слишком много для его же блага, был внове, что под холодным фасадом скрывалось поистине угрожающее разочарование.

«Да, господин. Я сказал ему, что я еще раз вернусь, и если он не придет к новой обретенной мудрости к тому времени... но если я могу быть таким смелым, я боюсь, что упрямство и глупость одного гномьего короля окажется меньше всего твоих забот».

Темный Лорд вытер пальцы салфеткой, очищая пальцы от несуществующих крошек. «Говори прямо, Фуинур».

— Мой Лорд, — взмолился призрак умоляющим шепотом. Он вздрогнул, когда голова в капюшоне снова повернулась, чтобы посмотреть на него сверху вниз. Полная тяжесть этих пронзительных глаз все еще, к счастью, отсутствовала, но он больше не мог медлить. «Хеспар искал меня, пока я был в Дейле. Я никогда не видел, чтобы он был так тороплив и так рад видеть меня. Мой Лорд...»

Там, где он сидел, у Феато покалывало, когда хорошее настроение Глаза испарилось. Злобный и яростный он извивался на запад. Феато боялся и призрака, и того, что он говорил. Что произошло? Что случилось? Началась паника. Его сердце подпрыгнуло к горлу, но он сохранил улыбку на лице.

Стоявший рядом с ним Рот взглянул на него, почувствовав гнев Ока, и серые глаза мужчины метнулись к Высокому Столу настолько, насколько осмелились, прежде чем он переместился, чтобы посмотреть на свою еду. Даже их гости замолчали, и Феато торопливо вычерпал из себя еще силы и, говоря это, вдохнул в воздух умиротворяющее спокойное спокойствие.

Он сосредоточился на факелах и огнях, побуждая их гореть ярче, танцевать выше, держать тьму в страхе, пока воздух не раскалился от безмятежности, или настолько, насколько воздух в Барад-Дуре когда-либо мог раскаляться.

С большой осторожностью он растянул свое заклинание по Большому залу, натянув его, как

простыню, на собравшихся, прижав их всех к своему теплу, и выстроился в великолепном оранжевом свете, сделав себя островком спокойствия в центре бури. Это тонкое заклинание не более чем кружевная вуаль, чтобы скрыть угрозу, которая назревала безмолвно и смертоносно вокруг них.

Но Феато не мог ни спрятаться от него, ни притупить своих чувств, и его кожа покрылась мурашками, пока он сидел, пытаясь удержаться от дрожи; не смог сбежать, как это сделали его гости. И поэтому он сидел, молясь, чтобы Око не слишком задело края его чувств, и стараясь не посягнуть на тьму, сгустившуюся вокруг высокого стола.

Ободренный мирным воздухом, Рот продолжал говорить с принцессой, и, улыбаясь приторно-сладко, Феато терпел.

Сноска для V4:

Это еще один, который я писал и переписывал, и еще несколько раз переписывал, потому что кое-что в нем так и просится, чтобы его рассказали, а я, кажется, не могу подобрать слов так правильно. Или у меня закончился творческий потенциал, и я застрял в колее.

Есть альтернативная версия или две, где Саурон поручает Феато наблюдать за подготовкой этого пира. По одной версии, он в восторге от этой идеи. В другом он менее чем взволнован, чувствуя себя бесполезным и не более чем прославленным стюардом, но все равно неохотно следит за этим. В обоих случаях его первоначальная реакция на такую команду — спросить, кто умер, поскольку его единственный предыдущий пир был устроен в день похорон его матери.

В другом вы видите, как он проводит достаточно времени со стюардами и планировщиками, поскольку он узнает, что нужно для планирования такого дела, и, соответственно, какие факторы необходимо учитывать при принятии решений в качестве правителя.

Опять же, это еще одна попытка открытия, которая дает представление о времени действия этой истории, используя для справки рассказ Глоина о павшем посланнике на Совете Элронда, приближая эту историю к охоте призрака за Кольцом и вышеупомянутому совету. .

Примечание автора: На этом завершается часть забракованных открытий этого сегмента, которая была предоставлена вам Redundancy и Longwinded Author's be continue, когда я начинаю извергать все кишки и средние биты в следующем сегменте. Не волнуйтесь, там тоже будет много AN. *вздыхает и бьется головой об стол*

<http://tl.rulate.ru/book/94610/3178323>